

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-160-167

EDN: JLICWD

Трансформация советского культурного кода человека:
от героики к «озимому сознанию» (А. Гайдар и В. Маканин)

Григорий Львович Тульчинский

Доктор философских наук, профессор ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 190008, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16
gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Аннотация. Статья содержит попытку рассмотреть трансформации культурного кода человека в советской литературе. Осмысляемый материал представлен в творчестве Аркадия Гайдара и Владимира Маканина. Сравнение показывает радикальную трансформацию этого кода с 1930-х гг. к 1980-м.

В первом случае нашло выражение и было обобщено основное содержание сознания «победителей» в Гражданской войне. Прежде всего — самопожертвование и непреложность ухода поколения за поколением в смертельное противоборство с агрессивным врагом (миром «проклятого буржуинства»), внутренней опасностью, предательством. В этой смысловой картине мира от человека требуются неукоснительная бдительность, самоотверженность, способность оказать поддержку. Цели этой борьбы связаны с представлениями о «хорошей жизни», в которой смертельное противостояние отсутствует, «не рвутся снаряды, не трещат пулеметы», что вполне соответствует извечному образу российского счастья — «лишь бы не было войны». Жизнь предстает как испытание и подвиг, воздаяние за который отдадут потомки. Это сознание, непосредственно предшествующее сталинизму. Энтузиазм, эйфория и героизм этого сознания составили тот потенциал, который был использован в 1930-х гг. (индустриализация, освоение новых территорий, социальные лифты, трудовые подвиги) в годы Великой Отечественной войны.

Волны репрессий, трагедия войны, незадавшиеся «оттепель» и последовавшие реформы породили описанное В. Маканиным «озимое сознание» советских 1970-1980-х гг. — эпохи экономической и политической стагнации, прорастающего и вызревающего духовного поиска. Отличие этого сознания от сознания «победителей» — в глубокой рефлексии, понимании собственной бесперспективности, «зависания». Суетливая активность сочетается с не менее судорожным надеянием. Эта неукорененность заставляет не только переосмыслить настоящее, но и искать, нащупывать глубинные истоки, связи, закрепляя в кругах («фроях») компаний, в которых четко различаются «свои» и «чужие», и порождая рессентимент и нетерпимость. Это сознание больного общества, осознавшего свою болезнь и ее источник — несправедливость и ложь. В. Маканиным представлен точный и убедительный анамнез феноменологии больного общества, эпикриз которого разразился в «перестройку» и в процессе последовавших реформ.

Ключевые слова: культурный код; советское бытие; трансформация героики; А. Гайдар; В. Маканин

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Тульчинский Г. Л. Трансформация советского культурного кода человека: от героики к «озимому сознанию» (А. Гайдар и В. Маканин) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 160-167. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-3-126-160-167>. <https://elibrary.ru/jlicwd>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

Transformation of the soviet cultural human code:
from heroic to «winter crops consciousness» (A. Gaydar and V. Makanin)

Grigory Lvovich Tulchinsky

Doctor of philosophical sciences, professor, FSAEI HE «National research university» Higher school of economics. 190008, St. Petersburg, Soyuz Pechatnikov st., 16
gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Abstract. The article attempts to consider the transformation of a person's cultural code, how this code was represented in Soviet fiction. The comparative consideration material is taken from the works of Arkady Gaidar and Vladimir Makanin. The comparison shows a radical transformation of this code from the 1930s to the 1980s.

In the first case, the main content of the consciousness of the «winners» in the Civil War was expressed and generalized. First of all — self-sacrifice and the immutability of the departure of generation after generation into a deadly confrontation with an aggressive enemy (the world of «cursed bourgeoisie») by internal danger, betrayal. In this semantic picture of the world, strict vigilance, dedication, and the ability to provide support are required from man. The goals of this struggle are associated with ideas about the «good life», where there is no deadly confrontation when «shells do not burst, machine guns do not crack», which is quite consistent with the eternal image of Russian happiness — «if only there was no war». Life appears as a test and feat, the reward for which the descendants will give. This is consciousness immediately preceding Stalinism. The enthusiasm, euphoria and heroism of this consciousness made up the potential that was used in the 1930-s (industrialization, development of new territories, social elevators, labor exploits) during the Great Patriotic War.

Waves of repression, the tragedy of the war, the unlucky «thaw» and the subsequent reforms gave rise to the «winter consciousness» of the Soviet 1970-s and 1980-s described by V. Makanin — the era of economic and political stagnation, sprouting and maturing spiritual search. The difference between this consciousness and the consciousness of the «winners» is in deep reflection, understanding one's own futility, «hanging». Fussy activity is combined with no less convulsive failure. This unrootedness forces not only to rethink the present, but also to look for, grope for deep origins, connections, fixing in circles («swarms») companies in which «their» and «strangers» are clearly distinguished, and generating resentment and intolerance. This is the consciousness of a sick society that has realized its illness and its source — injustice and lies. V. Makanin presents an accurate and convincing history of the phenomenology of a sick society, the epicrisis of which erupted into «perestroika» and the subsequent reforms.

Keywords: cultural code; Soviet being; transformation of heroic; A. Gaidar; V. Makanin

The study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation № 20-68-46013 «Philosophical and Anthropological Analysis of Soviet Being. Background, dynamics, impact on modernity»

For citation: Tulchinskii G. L. Transformation of the soviet cultural human code: from heroic to «winter crops consciousness» (A. Gaydar and V. Makanin). *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2022;(3): 160-167. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-3-126-160-167>. <https://elibrary.ru/jlicwd>

Введение

Обращение к художественной литературе способствует пониманию особенностей эпохи, динамики ее «культурного кода» [Гайдар, 1986]. В художественных произведениях, оставляющих память об эпохе, зафиксировано целостное выражение строя чувств, переживаний, мышления и поведения представителей конкретного социума в конкретную эпоху. Недаром именно знакомство с художественной культурой и ее сердцевиной — искусством является наилучшим способом зна-

комства с культурой, вхождения в нее. Сказанное, пожалуй, в наибольшей степени относится к искусству слова, к литературе. Обусловлено (буквально — предустановлено словом!) это ролью языка в возникновении и существовании культуры, письменности — в трансляции и развитии опыта. Особенно велика роль литературы в становлении и развитии российской художественной культуры и культуры в целом. Более того, литература — предмет особой гордости культуры Рос-

сии, ее общепризнанный и существенный вклад в культуру общечеловеческую.

Русский художественный дискурс исследован достаточно полно и глубоко. Что касается русской прозы, то обращение к этому богатейшему материалу требует уточнения. Среди русских писателей есть регистраторы быта и нравов (И. Тургенев, М. Шолохов, М. Булгаков, М. Зощенко, Ф. Горенштейн и др.), есть аналитики этого быта и этих нравов, объясняющих причины и следствия (Л. Толстой, В. Гроссман, А. Бек, А. Рыбаков), есть авторы, создающие собственную мифологию, миропонимание и мироощущение (Ф. Достоевский, А. Платонов). И есть авторы-выразители архетипов (буквально — коллективного сознательного и бессознательного). Таких авторов не так уж много (из наиболее известных — М. Горький, А. Гайдар, В. Маканин, Д. Пригов, В. Пелевин), но именно они представляют особый интерес для данного рассмотрения. Это не означает, что они обладают большим талантом. Просто их творчество представляет содержание опыта соответствующего времени чрезвычайно благоприятно для анализа — этот опыт в их текстах просто дан как таковой. Авторские позиция и отношение в них либо не акцентированы, либо «упакованы» в идеологемы и философеми.

В данной работе уделяется внимание динамике советского культурного кода человека. Главной типологической чертой бытия советского социума представляется его мифологическая природа — не в смысле «фикции», выдумки, а в строго терминированном смысле. Как и любой миф, он ориентирован на универсальное осмысление действительности; на снятие фундаментальных смысложизненных антиномий человеческого существования; дает его носителям радость узнавания знакомого в еще неизвестном, стимулируя тем самым не интеллектуальное творчество и поиск, а повторение апробированного; создает видимость устойчивости в изменяющемся мире; выступает основой ритуализации социальной жизни и культуры. В этом плане советская мифология стоит в одном ряду с многообразными проявлениями всплеска мифологии и мифотворчества в XX в.: в идеологии, политике, массовой культуре, обыденном сознании и даже науке.

Для обозначения динамики в данной работе берутся художественные произведения относительно стабильного советского социума: периода после гражданской войны и Великого перелома

(то есть активной фазы строительства социалистического общества: индустриализации и коллективизации) и периода «зрелого социализма» (последовавшего за хрущевской «оттепелью» и получившего в публицистике название «застоя»). Материал для осмысления этих периодов, сравнение которых в понимании человека, его мест в мире, отношения к себе, обществу и миру, дает творчество двух уже упомянутых авторов: Аркадия Гайдара и Владимира Маканина.

Творчеству Аркадия Петровича Гайдара (Голликова) предшествовала — эсхатологически-жертвенная героика песен революционной борьбы и гражданской войны. «...И за желанную свободу // Мы все боролись и умрем, умрем, умрем!» «Смело мы в бой пойдем // За власть Советов, // И как один умрем // В борьбе за это!» *Все как один... Умрем... В борьбе...* Собственно, и сам А. Гайдар как активный участник Гражданской войны сформировался как личность в этом контексте.

Эсхатология общего дела в Гражданскую войну сменилась растерянностью победителей в годы НЭПа, отвергнутого после отмененных выборов 1925-го. Был взят курс на индустриализацию. Молодое советское общество приготовилось к великому прорыву в будущее, к воплощению мечты, оправдывающей тяготы, лишения, кровь не одного поколения. Это сознание, непосредственно предшествующее сталинизму, энтузиазм и эйфория которого были сталинизмом использованы, удивительно точно передано Гайдаром. Не одно поколение советских людей зачитывалось «Судьбой барабанщика», «РВС» и «Школой», полных борьбы с врагами явными; историей «Тимура и его команды» с идеей творения добра втайне от людей и конспиративными методами, нередко насильно творимого благоденствия [Гайдар, 1988; Камов, 1979; Розанов, 1979]. Но самое его показательное произведение — «Сказка о Военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твердом слове», впервые опубликованная в апреле 1933 г. в газете «Пионерская правда» (впоследствии печаталась как часть повести «Военная тайна» [Гайдар, 1986, с. 338-340] или как отдельная красочная книга для дошкольников и младших школьников, была неоднократно экранизирована, в то числе — в мультипликации) — фактически не что иное как своеобразный житейный текст-легенда, якобы придуманной пионером и с его разрешения рассказываемая другим пионерам.

Эта «сказка» удивительна тем, что в ней на исключительно малом пространстве текста выражены практически все основные мифологемы сознания «победителей». Прежде всего — самопожертвование и непреложность ухода поколения за поколением в мясорубку смертельного противоборства. Показательно, что для представления о «хорошей жизни» достаточно простого отсутствия этой борьбы: «не рвутся снаряды, не трещат пулеметы — хорошая жизнь». Вполне в духе извечного образа российского счастья — «лишь бы не было войны». Однако этот мир — мир борьбы, наличие агрессивной внешней опасности — «проклятого буржуинства», о котором ничего другого не известно, кроме того, что оно буржуинство и проклятое. Тема внутренней опасности, предательства плохих людей, измены Плохиша. Воздаяние же — после жизни — когда «пройдут пионеры, пролетят самолеты — салют Мальчишу». И как лейтмотив — «нам бы только день простоять да ночь продержаться!» — максима бытия не только героев войны, строек коммунизма, битв за хлеб и урожай, но и миллионов лагерных зеков, временщиков-аппаратчиков, затурканных предпринимателей, обывателей-назарплате, самозванцев-депутатов — словом, девиз всех наследников победителей.

Воздаяния и «хорошей жизни» не вышло. Тот, кто сеет не сотрудничество, а борьбу, нетерпимость, не мир, а насилие, их и пожинает. С 1930-х гг. нетерпимость, поддерживаемая авторитетом победоносной партии, превратилась во всеобщий нравственный закон [Кантор, 2011]. Носители этой нравственности не знают сомнений в собственной непогрешимости. Главный враг — сомневающийся, нарушающий абстрактную чистоту морально-политического единства, хотя заклинания о единстве партии и народа, «блоке» коммунистов и беспартийных лишь выдают реальную «несоединенность» власти и народа.

Поэтому сначала подлежали уничтожению политические противники — меньшевики, эсеры, анархисты, фракционеры и уклонисты (объединение усилий с ними все реже приходит на ум). Затем практика нетерпимости репрессий обрушивается на ту часть населения, которая не может не иметь своего мнения по определению, не может не сомневаться, — на интеллигенцию (отныне и впредь — «гнилую»). Одновременно шло подавление крестьянства — автономной части общества, экономически первоначально мало зависевшей от милостей новой власти. Последо-

вала волна репрессий 1930-х, парадоксально совпавших (за счет пропагандистского сопровождения и открывшихся социальных лифтов) с волной энтузиазма, спавшей к концу десятилетия [Тульчинский, 2013]. Были пережиты великая трагедия и великая Победа Великой Отечественной войны, годы восстановления, спазматические попытки репрессий, «оттепель», эпопеи с кукурузой и целиной.

И вот — 1970-е — годы брежневской эпохи «зрелого социализма». Для их характеристики в плане культурного кода человека трудно найти лучший материал, чем повести и рассказы раннего периода творчества Владимира Семеновича Маканина.

В настоящее время В. Маканин — автор толстых романов, признанный мэтр, лауреат множества премий, бывший членом жюри престижных конкурсов. Однако в 1970-1980-х гг. по ряду обстоятельств он не имел возможности публиковаться в «толстых журналах», представлявших в то время литературный процесс в стране, и публиковал рассказы и повести в сборниках, которые сам называл «братскими могилами», полагая, что они не имели выхода к широкому читателю, и в которых по-разному компоновались рассказы и повести — всего вышло более 20 таких сборников ранней прозы автора [Тульчинский, 2017]. Тем не менее раннее творчество писателя не только не осталось незамеченным, но и заслуживает исключительного внимания отнюдь не только потому, что кем-то из критиков Маканин был назван «чемпионом критических разборов 80-х годов» — критики действительно с завидным постоянством вновь и вновь, вопреки нежеланию редакций (значит, не по «заказу», а по зову ума и сердца), обращались и обращаются к его ранним произведениям. И не только потому, что это «модельный», как его иногда называют, писатель — в том смысле, что он (математик по образованию) любит строить мысленные модели и эксперименты, образные «конструкты», заостряющие осмысление на существенном, позволяющие «поиграть» с этим существенным. Как это делается с крысиным лабиринтом в «Предтече» [Лотман, 2000]; с «любящими», сначала оципывающими «любимого», а потом втыкающими выщипанное обратно «от щедрот душевных» («Голоса» [Маканин, 1988]); с Богом, пытающимся на всех натянуть заведомо короткое одеяло («Ключарев и Алимешкин» [Маканин, 1984а]) и т. д. Разумеется, все это облегчает и осмысле-

ние, и использование маканинских «моделей» в качестве примеров.

Но главное не в этом. Маканин не придумывает свои «конструкты», а обнаруживает их в жизни. Фактически это архетипические мифологемы общественного и личного сознания, живущие в его коллективном бессознательном — то ли под-, то ли сверхсознании. Внимание к Маканину обусловлено чем-то глубинным, нашедшим свое выражение и в языке, на котором не то что говорят — думают современники, и в стилистике, и в типологии проявлений нового советского (именно — советского) сознания 60-80-х гг., типологии, которая по представительности и открываемой новизне не уступает чеховской: среди маканинских персонажей — интеллигенты, технари и гуманитарии, работяги, служащие, зеки, бомжи... Маканин не только удивительно полно представил и выразил феноменологию этого сознания, в его рассказах и повестях идет напряженный, хотя и неявно заданный диалог авторского сознания (не идентифицируемого как явно маканинское) и сознания персонажей. Это многоголосие составляет удивительный портрет эпохи, отчаянно пытающейся понять самую себя, свои истоки и корни, цели и перспективы, а главное — настоящее.

В публицистике (и одно время — даже в учебниках) эта эпоха получила название «застоя». Речь идет о советском обществе, прошедшем Великую Отечественную войну, послевоенное восстановление, осуждение культа личности Сталина, освоение целины, ставшее на первых порах лидером в освоении космоса — недаром в наши дни оно вспоминается ностальгически. Но сталинская форсированная индустриализация на основе закрепощения крестьянства, массовых репрессий, принудительного труда, государственного гнета, использования инерции революционного воодушевления и иллюзий — был путь быстрой, но и поверхностной, однобокой трансформации уклада жизни. Она не создала культурных заделов для развития социума, а административный прессинг выкорчевывал потенциал такого развития — то, что сейчас называют человеческим и социальным капиталом. Тоталитарно-государственная ответственность «сверху вниз» по вертикали привела к обрушиванию горизонтальных связей между людьми. Человек — иждивенец и перекасти-поле, беспамятный маргинал, завистник и агрессивный потребитель одновременно.

Полное самовластье на всех уровнях от вождя-хозяина до местных «хозяйчиков» подкреплялось одновременным героизмом и энтузиазмом, «агрессивной послушностью». Показательно, что их проявления идут по угасающей от движения стахановцев к целине и «бригадам коммунистического труда». А ослабление централизованного контроля лишь способствовало разрыванию коррупции и организованной преступности. Пока возможности произвола были сконцентрированы в основном на верхних этажах бюрократической пирамиды, условия для круговой поруки локального и ведомственного порядка оставались ограниченными. Когда же эта система ослабла, локальные клики, кланы, мафиоподобные организации как система властного кормления начали разъедать социум. Как писала мудрая Н. Я. Мандельштам, «...всякая идея имеет начало, кульминацию и спад. Когда начинается спад, остается инерция: юноши, которые боятся перемен, опустошенные люди, жаждущие покоя, кучки стариков, напуганных делом рук своих, и мельчайшие исполнители, которые механически повторяют внушенные им в молодости слова» [Мандельштам, 1999]. Речь идет об эпохе настолько близкой и настоящей, что она не ощущается до конца пережитым вчерашним. Так бывает иногда поутру, что звучат в тебе вчерашние споры, голоса. Душой и умом ты еще там, с ними. Но наступившее и разбудившее тебя утро есть начало уже наступившего — другого — дня. Такое неизжитое еще недавнее вчера, вчерашнее сегодня, не всегда дается для целостного осмысления, разбивается на сюжеты, «картинки», лица, ситуации.

Сам В. Маканин долго отказывался от комментариев ранних произведений и вообще любых форм проявления своей собственной позиции, помимо публикаций. Известно лишь одно его интервью, данное в свое время ленинградскому видеоканалу «Пятое колесо», дававшееся не для публики и вышедшее в эфир вопреки воле писателя. Пожалуй, только в повести «Отставший» [Маканин, 1988] автором дается самооценка и идентификация своей позиции как позиции «отставшего»: от «Нового мира» А. Т. Твардовского, от хрущевской «оттепели», от литературного процесса, когда он не печатался в периодике, а хоронил, по его словам, свои рассказы в братских могилах малотиражных сборников. Это позиция отставшего и одновременно — верного хранителя этих традиций. В упомянутом телеинтервью писатель относит себя к

«озимому поколению» — «высеянному», но не успевшему «взойти» и покрытому, придавленному снегами застоя, под которыми оно и проросло.

Это время торжества и перезрелости мифократии и рационалистически-утопического бюрократизма, который уже практически уничтожил среду собственного обитания: экономическую, духовную, политическую, — начал зависать в созданной им же самим пустоте. И одновременно это эпоха не только стагнации и разложения, но и ростков альтернативного духовного поиска, прорастающих и вызревающих до лучших времен.

Основная часть населения только-только обжилась в отдельных квартирах, в которые люди переехали из бараков и коммуналок с их коверкающим душу бытом. Нравственность этого сознания В. Маканин определяет как барачную этику в отдельных квартирах. Главная особенность этого сознания, в отличие, например, от сознания «победителей», — в сознании собственной несостоятельности, античеловечности и бесперспективности. Оно рефлексивно, направлено не энтузиастически вовне, а на самое себя, озабочено собой, собою мается. Главная маята связана с осознанием своей неукорененности, сорванности, отсутствия корней и зависания в пустоте. Эта сорванность может пробиваться в подсознание, заставляя искать, нащупывать глубинные связи и истоки («Голоса» [Маканин, 1988], «Утрата» [Маканин, 1989, с. 87-150]), может гнать человека с места на место, загоняя в одинокую смерть на краю света («Человек убегающий» [Маканин, 1984а, с. 168-206]).

Неукорененное, сорванное сознание маргиналов второго, а то и третьего поколения сбивает людей в «рой», закрепляя в кругах компаний-стай, в которых четко различаются «свои» и «чужие» («Старый поселок», «Место под солнцем» [Маканин, 1984а]). Фактически это аналог и продолжение барачно-лагерных стаеобразных общностей. Для человека до отчаяния важным оказывается быть своим в какой-то стае, стать «чьим-то», потому что сам по себе он — ничто. Только принадлежность к чему-то (клану, стае, партии, клике...) дает «ум», «честь» и «совесть», одновременно освобождая от ответственности. Невменяемость, воля к неволе и самозванство приобретают одновременно бытовой и метафизический характер.

В. Маканин чутко уловил восторженное преклонение интеллигенции не просто перед «наро-

дом», а перед «прошедшим лагерь», вплоть до самоотдачи на поругание уголовнику-рецидивисту, которому приписываются «высокие страдания» («Отставший» [Маканин, 1988]). Интеллигентные люди, несмотря на комплекс вины и их стремление слиться с «роем», разобщены и изолированы, не нужны не только обществу, но и друг другу. Суевливая активность одних сочетается с не менее судорожным надеянием других. И над всем царит, все пронизывает идея справедливости как равенства в условиях, когда на всех заведомо не хватит счастья и благ («Ключарев и Алимускин» [Маканин, 1989]), жилья («Полоса обменов» [Маканин, 1989]), любви («Отдушину» [Маканин, 1990]). Даже в творчестве действует своеобразный «закон Ломоносова»: чем больше «прибавляется» в профессиональном творчестве, тем больше «убавляется» в народной среде, его питающей («Где сходились небо с холмами» [Маканин, 1984а, с. 113-167]).

Нетерпимость является в самых разнообразных формах и ко всем «не своим»: от нравственного ригоризма молодости («Прямая линия») до эпического противостояния «красногвардейской» и «дворянской» бабушек, беззаветно любящих внука («Голубое и красное» [Маканин, 1984б]), до мафиозности «стаи» («Старые книги», «Место под солнцем» [Маканин, 1984б]). Нетерпимость приобрела «онтологический» характер, максима «не высывайся» настолько глубоко вошла в кровь и плоть, что человек начинает безотчетно, испытывая при этом одухотворенность и духовный подъем, даже себе во вред, набрасываться на любого, кто хоть чем-то отличается и выделяется («Антилидер» [Маканин, 1989; Маканин, 1988]).

Вся эта симптоматика, как нетрудно заметить, проявлялась и раньше — в предыстории советского эксперимента, в героическую эпоху и в апофеозе. Но для «озимого» сознания специфична именно безысходная рефлексия собственной чуждости, стремление и невозможность уйти от самого себя. Это больное сознание больного общества, осознавшего свою болезнь и ее источник, — несправедную жизнь и ложь.

Прописываются В. Маканиным и линии поисков возможного «спасения». Его можно искать, самозабвенно вписываясь в «систему» («Место под солнцем»), что неизбежно несет утрату себя и крах. Можно искать спасения в вере, дающей «энергию заблуждения»: то ли в отстаивании застарелых «принципов», то ли в надежде на чудо, что есть кто-то, кто спасет в последний момент, как спасаются «верующие» крысы в смертельном

лабиринте («Предтеча» [Маканин, 2017]). Можно «очиститься», покаяться правдой о себе перед другими — так лечит безнадежных онкологических больных Якушин в «Предтече». Беда в том, что все эти пути «спасения» оказываются основанными на все той же нетерпимости. Даже последний путь. Каяться, отказываясь от своего прошлого, — выкапывать и выбрасывать очередной труп, как в известном перестроечном фильме Т. Абуладзе — вряд ли конструктивное и нравственное занятие.

Поразительно, что даже обертон распада советской конспирологии добрых дел чутко ловится Маканиным. В «Один и одна» [Маканин, 1990] рефреном проходит тема уподобления двух интеллигентов конспираторам, которые слишком долго носили в карманах свои половинки золотой рыбки-пароля. При встрече они друг другу не открываются — края половинок стерлись и не стыкуются. («Победители» очень легко и быстро «стыковались» — показательно сравнить тогдашние быстротечные гражданские браки и нынешние томительные поиски супруга.) Но они оказываются ненужными и новой стае хищников, дорогу которым сами же открыли.

Геннадий Павлович в «Один и одна» сопоставим и с прекраснородушным Маниловым (что лежит на поверхности), и со Степаном Верховенским, не признающим в «бесах» своих духовных наследников. Как и сердце Данко, их душа растоптана теми, кого они вели за собой. Цикл феноменологии данного сознания сюжетно замкнулся. Можно сказать, что Геннадий Павлович завершает славную галерею «лишних», «новых» и «новейших» людей русской литературы.

Но в чем же возможная позитивная альтернатива «действительного спасения»? Наверное — в поисках корней, в прислушивании к «голосам», пробивающимся в ум и душу из толщи истории («Голоса», «Утрата» [Маканин, 1984а, с. 3-112]), дать возможность душе расти на этих корнях; искать «отставших» от безумных крысиных бегов «хранителей» с перебитыми руками и ногами («Отставший»), восстанавливая тем самым какие-то утраченные традиции. Вопрос только — какие? Как не попасться на призыв «голосов» того же самозванства? По крайней мере ясно, что бесперспективно и даже опасно искать что-то на стыках расплывающейся ткани, на нестыкующихся стыках осколков («золотых рыбок») то, что казалось единым монолитом. Из этих осколков-льдинок составляется лишь одно «невозмож-

ное» Снежной Королевы и ее империи. Но это уже тема сегодняшнего дня.

В «оттепель» сознания сохранялась иллюзия, что неверными методами осуществляются верные идеи [Шестидесятники, 2008]. Несмотря на осознанную неправильность политики, сохранялась вера в правильность лозунгов. Теперь же возникает сомнение и в лозунгах. В свое время В. В. Розанов выводил российский социализм из религиозного сознания: ветхозаветная религия — живой синтез духа и плоти, новозаветное христианство — абстрагирование духа от плоти, социализм — абстрагирование буквы от этого духа [Розанов, 2015]. Если воспользоваться этой формулой, то у «озимого сознания» констатируем «разбегание» букв, недавно еще составлявших слова, а возможно — и утрату букв.

Заключение

В. Маканиным представлен точный и убедительный анамнез больного общества, эпикриз которого разразился в «перестройку» и последовавшие реформы, когда накал и ход дискуссий напоминал сон Родиона Раскольникова, которому привиделось нашествие невиданной «моровой язвы», идущей из глубины Азии на Европу, ее разносили «новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные» [Достоевский, 1989, с. 516]. Но это история уже постсоветской литературы, осмысление исторического значения которой еще только начинается.

Библиографический список

1. Быков Д. Л. СССР — страна, которую придумал Гайдар. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=031ghKG31a4> (дата обращения: 02.01.2022).
2. Гайдар А. Собрание сочинений: в трех томах. Т. 1. Повести и рассказы. Москва: Правда, 1986. 448 с.
3. Гайдар Т. А. Голиков Аркадий из Арзамаса: Документы, воспоминания, размышления. Москва: Политиздат, 1988. 318 с.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти томах. Т. 5. Ленинград: Наука, 1989. 575 с.
5. Камов Б. Н. А. П. Гайдар. Грани личности. Принципы творчества. Москва: Советская Россия, 1979. 176 с.

6. Кантор В. К. «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов. (Становление философского пространства в России. Москва : РОССПЭН, 2011. 608 с.

7. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. С. 485-503.

8. Лотман Ю. М. Память культуры // Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. С. 614-621.

9. Маканин В. С. Где сходилось небо с холмами... Москва : Современник, 1984а. 208 с.

10. Маканин В. Место под солнцем. Рассказы. Москва : Молодая Гвардия, 1984б. 316 с.

11. Маканин В. С. Отдушина: повести, роман. Москва : Известия, 1990. 560 с.

12. Маканин В. С. Отставший. Повести и рассказы. Москва : Художественная литература, 1988. 432 с.

13. Маканин В. С. Предтеча. Новая авторская редакция. Москва : Эксмо, 2017. 256 с.

14. Маканин В. Утрата. Повести, рассказы. Москва : Молодая гвардия, 1989. 398 с.

15. Манделъштам Н. Я. Манделъштам Н. Я. Воспоминания. Москва : Согласие, 1999. 552 с.

16. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Опавшие листья. Москва : ЭКСМО, 2015. 640 с.

17. Розанов И. И. Творчество А. П. Гайдара. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 168 с.

18. Тульчинский Г. Л. Природа массового энтузиазма в СССР 1930-х, или Особенности ролевой революции в России // Публичная политика — 2012 : сборник статей. Санкт-Петербург : Норма, 2013. С. 74-83.

19. Тульчинский Г. Л. Творчество «раннего» В. Маканина как историческое произведение // Историческое произведение как феномен культуры. Выпуск 11. Сыктывкар : Изд-во СГУ, 2017. С. 140-148.

20. Шестидесятники / сост. М. Ш. Барбакадзе. Москва : ФЛМ, 2008. 208 с.

Reference list

1. Bykov D. L. SSSR — strana, ktoruju pridumal Gajdar = The USSR is a country that Gaidar invented. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=031ghKG31a4> (data obrashhenija: 02.01.2022).

2. Gajdar A. Sbranie sochinenij : v treh tomah = Collected works: in three volumes T. 1. Povesti i rasskazy. Moskva : Pravda, 1986. 448 s.

3. Gajdar T. A. Golikov Arkadij iz Arzamasa: Dokumenty, vospominanija, razmyshlenija = Golikov Arkady from Arzamas: Documents, memories, reflections. Moskva : Politizdat, 1988. 318 s.

4. Dostoevskij F. M. Sbranie sochinenij : v 15-ti tomah = Collected works: in 15 volumes. T. 5. Leningrad : Nauka, 1989. 575 s.

5. Kamov B. N. A. P. Gajdar. Grani lichnosti. Principy tvorcestva = A. P. Gaidar. Facets of personality. Principles of creativity. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1979. 176 s.

6. Kantor V. K. «Krushenie kumirov», ili Odolenie soblaznov. (Stanovlenie filosofskogo prostranstva v Rossii = «The Collapse of Idols», or Overcoming Temptations. (The formation of philosophical space in Russia. Moskva : ROSSPJeN, 2011. 608 s.

7. Lotman Ju. M. O semioticheskom mehanizme kul'tury = On the semiotic mechanism of culture // Semi-osfera. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPB, 2000. S. 485-503.

8. Lotman Ju. M. Pamjat' kul'tury = Memory of culture // Semiosfera. Sankt-Peterburg : Iskustvo-SPB, 2000. S. 614-621.

9. Makanin V. S. Gde shodilos' nebo s holmami = Where the sky converged with the hills ... Moskva : Sovremennik, 1984. 208 s.

10. Makanin V. Mesto pod solncem. Rasskazy = A place in the sun. Stories. Moskva : Molodaja Gvardija, 1984. 316 s.

11. Makanin V. S. Otdushina: povesti, roman = Outlet: novels, novel. Moskva : Izvestija, 1990. 560 s.

12. Makanin V. S. Otstavshij. Povesti i rasskazy = Lagging behind. Stories and stories. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1988. 432 s.

13. Makanin V. S. Predtecha. Novaja avtorskaja redakcija = Forerunner. New author's edition. Moskva : Jeksmo, 2017. 256 s.

14. Makanin V. Utrata. Povesti, rasskazy = Loss. Stories, short stories. Moskva : Molodaja gvardija, 1989. 398 s.

15. Mandel'shtam N. Ja. Mandel'shtam N. Ja. Vospominanija = Memoirs. Moskva : Soglasie, 1999. 552 s.

16. Rozanov V. V. Apokalipsis nashego vremena. Opavshie list'ja = Apocalypse of our times. Fallen leaves. Moskva : JeKSMO, 2015. 640 s.

17. Rozanov I. I. Tvorcestvo A. P. Gajdara = Creativity of A. P. Gaidar. Minsk : Izd-vo BGU, 1979. 168 s.

18. Tul'chinskij G. L. Priroda massovogo jentuziazma v SSSR 1930-h, ili Osobennosti rolevoj revoljucii v Rossii = The nature of mass enthusiasm in the USSR of the 1930-s, or Features of the role-playing revolution in Russia // Publichnaja politika — 2012 : sbornik statej. Sankt-Peterburg : Norma, 2013. S. 74-83.

19. Tul'chinskij G. L. Tvorcestvo «rannego» V. Makanina kak istoricheskoe proizvedenie = The work of the «early» V. Makanin as a historical work // Istorieskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury. Vypusk 11. Syktyvkar : Izd-vo SGU, 2017. S. 140-148.

20. Shestidesjatniki = Men of the sixties / sost. M. Sh. Barbakadze. Moskva : FLM, 2008. 208 s.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 01.03.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication on 28.04.2022.